

ВОЙНА И МЫ

СТАНИСЛАВ СМОЛЯКОВ

**Я ДРАЛСЯ
С
БАНДЕРОВЦАМИ**

Станислав Николаевич Смоляков

Я дрался с бандеровцами

Серия «Война и мы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24001703

Я дрался с бандеровцами / Станислав Смоляков: Яуза-каталог;

Москва; 2017

ISBN 978-5-906716-84-2

Аннотация

Победным маем 45-го война закончилась не для всех, для многих она только начиналась. Народу-победителю предстояло столкнуться с жуткими последствиями войны: разрухой, голодом, бандитизмом и отвратительной гидрой националистического подполья в западных областях Союза ССР. В данном сборнике представлены непростые откровения ликвидаторов бандеровщины. Герои этой книги – пограничники и солдаты внутренних войск, комсомольцы истребительных отрядов и председатели колхозов, оперативники МГБ и СМЕРШа, следователи и рядовые сотрудники милиции, не раз смотревшие бандитам в лицо. Непросто было найти их, и еще сложнее – найти ключ к откровенному разговору. Засады и погони, мужество и предательство, расшифровки кодовых посланий и вербовка агентов – факты под грифом «Совершенно секретно» ждут читателя... Пройдя через испытания, герои книги остались при

своих идеалах молодости – они до сих пор считают национализм дорогой в никуда. Каждый из них сражался за свою, родную и любимую Советскую Украину.

Содержание

Предисловие	5
Рогак Алексей Павлович	11
Лаврентьев Ульян Романович	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Станислав Смоляков

Я дрался с бандеровцами

Предисловие

Идея создания данного сборника воспоминаний появилась в сентябре 2013-го. Тогда во Львове собрался небольшой коллектив авторов ресурса «Я помню». Мы хотели записать воспоминания ветеранов войны, проживающих в западных областях Украины, а наши киевские коллеги намеревались опросить бывших боевиков УПА. К нашему удивлению, таковых там нашлось изрядное количество. Еще более удивительным оказалось то, что среди опрошенных оказались довольно интересные, с исторической точки зрения, персоналии: личная связная Шухевича, люди из его ближайшего окружения, руководитель отдела оуновской СБ (службы безопасности), эсэсовцы из дивизии «Галичина»...

Под впечатлением от результатов работы коллег у меня возникла мысль найти тех, кто занимался ликвидацией бандеровщины. Конечно, я предполагал, что дело нам предстоит весьма непростое, но даже не представлял насколько...

Ранее в воспоминаниях советских ветеранов изредка встречались короткие рассказы о столкновениях с бандеровцами. Но на фоне основного воспоминания – войны – для

большинства из них это осталось лишь кратким эпизодом в насыщенной событиями военной биографии и не стало «делом всей жизни», как у оппонентов. Просматривая предлагаемые львовскими Советами ветеранов списки, я стал уделять больше внимания фамилиям, возле которых стояли пометки НКВД, МВД или же названия партизанских отрядов и соединений (очень много партизан было направлено на борьбу с бандитизмом и националистами).

Но недаром говорится: «Ищущий да обрящет». Первый интересный собеседник по интересующей теме попался мне в одном из районов Львова на праздновании Дня партизанской славы. Вначале, правда, ветеран был весьма сдержан, но постепенно раскрылся и дал исчерпывающее интервью, положившее начало циклу. Но и он в завершение беседы попросил убрать из интервью определенные моменты и фамилии. Да и по некоторым его оговоркам и паузам стало понятно, что многие яркие эпизоды боевой юности рассказчика навсегда растворятся в сумраке минувшего...

Львовские ветераны радушно принимали гостя с Большой земли и охотно делились своими воспоминаниями о военном периоде их жизни, но как только нить повествования приближалась к 44-му году, начинали осторожничать или вообще уходили от темы. На прямые вопросы отвечали осторожно и односложно, отговариваясь стандартным «ты напишешь, а нам еще тут жить с ними».

С подобными вещами мне еще не раз пришлось столк-

нуться в дальнейшем. К примеру, из нескольких киевских ветеранов госбезопасности лишь один дал интервью, да и то весьма пространное. Позднее нам стала понятна причина подобной сдержанности респондентов. Один из крымских ветеранов рассказал о некоей бумаге, которую в период правления Ющенко вынудили подписать всех, кто в прошлом имел отношение к ликвидации бандеровщины. В ней якобы от имени тогдашнего президента Украины ветеранов просили об ОУН-УПА не говорить ни хорошего, ни плохого...

Не способствовала откровениям и напряженная обстановка на Украине. Вполне возможно, именно поэтому с нами отказался разговаривать бывший следователь МГБ из Полтавы, работавший на Волыни в конце 40-х. Совершенно случайно попавшие мне в руки фотографии молодого оперативника с ППС на плече, снятые на местах преступлений, совершенных националистами, будоражили воображение и обещали фактурный материал. Какую радость открытия принес этот случайно обнаруженный конец новой нити из клубка, эта спокойная фраза собеседника о том, что его боевой друг жив и в твердой памяти. И какое разочарование – отказ от интервью. Нам тогда не помогли ни уговоры, ни рекомендации.

Категорически отказался от встречи и ветеран госбезопасности из Сарн, легендарная личность, чьей фамилией, по рассказам бывших боевиков, на западе Украины пугали детей... Мы даже не могли представить, что «гроза» волын-

ских бандеровцев еще жив! И как тяжело было примириться с невозможностью хоть на немного приоткрыть занавес тайны, скрывающий от нас былые деяния этих суровых и серьезных людей.

Да что говорить, не особенно горели желанием вспоминать то жестокое время и ветераны, проживающие на территории России. Мы получили несколько решительных отказов в Москве. Буквально в последний момент отказался от интервью ветеран внутренних войск, проживающий в моем родном городе и буквально на соседней улице!

Но тема увлекла своей остротой. Все более и более погружаясь в нее, я всевозможными способами пытался нащупать ниточки контактов. Искать приходилось в основном методом сарафанного радио – «кто-то где-то слышал, как чей-то дед рассказывал о бандеровцах...»

Лишь благодаря авторитету и связям Артема Драбкина мне довелось познакомиться с интереснейшим человеком, ветераном внешней разведки Георгием Захаровичем Санниковым. Он выделил для встречи всего полчаса, но каких! Мне удалось записать короткое, но весьма емкое и эмоционально насыщенное интервью. А самое главное, через него мы получили выход на киевских ветеранов госбезопасности, в том числе на легендарного полковника Бондаря – самого Бориса Ефимовича Стекляра.

Серьезнейший вклад в работу внес мой соавтор по сборнику Юрий Трифионов. Благодаря его настойчивости мы по-

лучили ряд прекрасных интервью от крымских ветеранов, а также нащупали цепочку контактов в Луцке, куда мы успели съездить буквально за неделю до переворота в Киеве.

Время было тревожное – в Киеве уже вовсю шли беспорядки. Председатель городского Совета ветеранов встретил нас весьма настороженно. Его больше интересовала материальная сторона дела и наше отношение к стрельбе на Майдане, нежели то, зачем мы приехали. Словно предчувствуя грядущие события, он бормотал: «Вот же спелись, Крым с Москвою...»

Сердечно благодарю за максимальное содействие и гостеприимство волынян, жителей Луцка: уважаемого полковника Н, попечителя Музея МВД, братьев Кононенко из луцкого горкома КПУ, а также жителей Колкинского района. К сожалению, из Луцка потом пришли дурные вести: Музей МВД был сожжен, серьезно пострадал горком КПУ и сами братья Кононенко...

Хочется высказать слова благодарности и львовскому отделению КПУ, которое, помогая нам, приложило максимум усилий. Хотя львовским коммунистам хватало и своих проблем: регулярные нападения и поджоги на их штаб-квартиру были обыденным явлением еще в относительно спокойном 2013-м... С особой теплотой вспоминаю и нашего добровольного помощника Кузьмича из города Дрогобыч, который он сам называл не иначе как «Бандерштадт». Без всех этих добрых и честных людей книга бы не состоялась.

Несмотря на многочисленные трудности, нам в принципе удалось получить некий срез среди опрошенных ветеранов. В сборнике представлены воспоминания бывших партизан, служащего СМЕРШа, следователей и оперативников НКВД-МГБ-КГБ, «истребка» – бойца истребительного отряда, а также участников специальных войсковых групп и даже одного пограничника.

Не могу не поблагодарить и моего киевского коллегу Алексея Ивашина, чьи консультации и помощь в работе над сборником трудно переоценить. Первоначально мы хотели сформировать книгу из мемуаров и боевиков УПА и тех, кто занимался их ликвидацией. Однако пока сборник готовился, в Киеве произошла смена власти, а за этим последовал ряд известных всем событий. Обстановка в обществе и у нас, и на Украине накалилась до предела. Комментарии на сайте «Я помню» показывали неоднозначное отношение его посетителей к воспоминаниям бывших боевиков. Что греха таить, даже у подготовленного читателя некоторые откровения националистов могут вызвать оторопь. Поэтому по обоюдному согласию мы решили публиковаться отдельно. К сожалению, история совершила очередной виток: мы снова по разные стороны баррикад...

Рогак Алексей Павлович

Интервью и литобработка: Юрий Трифонов

Я родился в 1927 году в селе Червоное Андрушевского района Киевской области. Мой отец, Павел Михайлович, грамотный по тем временам мужик, трудился агрономом в совхозе, а мама, Ксения Никифоровна, работала секретарем сельского совета. Родители были убежденными большевиками. Папа еще по молодости во время Гражданской войны служил в Красной Армии, затем прошел Советско-финскую и Великую Отечественную войны. На последней получил тяжелое ранение и умер в 1964 году. Сам понимаешь, убеждения родителей во многом определили мою собственную судьбу: в жизни нами руководила партия. В неполные восемнадцать лет я стал членом ВКП(б).

Мое родное село было очень большим, в нем насчитывалось два совхоза, один колхоз, а также спиртовой и сахарный заводы. В центре села располагался большой базар. Отец тогда пропадал в постоянных разъездах по партийной линии. Хатка у нас была справная, рядом рос хороший садик. Там стоял каштан, по которому я любил лазать.

*Деловод-машинист Колковского райвоенкомата Рогак
Алексей Павлович, 1946 год*

Голод 1932–33 годов на всю жизнь врезался в мою память. Мне тогда шел седьмой год. В то время все зерно у крестьян забирали до последней крупинки. Мама как секретарь сельсовета получала немного хлебушка. Было и молоко от коровы, поэтому нас из-за относительной упитанности – меня и

сестренку Любу 1924 года рождения – не выпускали на улицу.

Рядом с нами, через дорогу, жила моя одногодка Оля Грищук. Она бегала к нам, и мы ее подкармливали, как могли. Но как-то вдруг она исчезла на три дня. Мама сказала мне: «Леня (меня тогда так все называли), сбегай и узнай, в чем же дело, почему Оля не приходит?» Перешел я через дорогу, зашел в хату, только переступил через порог из кухни в комнату, вижу такую картину: стоит кровать, на которой лежат мертвая Оля и ее живая мама, и обезумевшая от голода женщина грызет нос и уши своей дочери... Увидев меня, она что-то закричала. Я страшно испугался и рванул через порог домой. Мама позвонила в район. Приехала милиция в сопровождении каких-то мужчин.

Олина мама умерла через три дня. Куда-то пропал муж-Грищук, не знаю. Рядом с нами умирал старичок дядька Денис и вся семья Михальских. Люди страдали от недоедания, умирали под заборами, падая от бессилия прямо на ходу. Через дорогу от нас жила семья, в которой девочка умерла в муках от голода. Спасались тем, что собирали по огородам гнилую картошку. Ели вареную лебеду и крапиву.

Вскоре приехал отец, в то время работавший в районном политотделе, и привез к нам на прокорм двух пацанов восемнадцати или девятнадцати лет от роду: Ивана Березняка и Сашу Огородника. Они от голода уже ходить не могли, папа их подобрал под забором. Мама недели две поила их

молоком, чтобы восстановить силы. Потом они постепенно пришли в себя. Сашка, помню, пошел работать на пекарню, чтобы быть возле хлеба. Ваня тоже где-то трудился...

Интересуешься, отчего произошел голод? Отвечу откровенно. Перед голодом зерна хватало, но на местах начали происходить ужасные вещи. Мама приходила домой с работы из сельсовета и горько плакала. Специальные комиссии ходили по домам и, если замечали кусок хлеба или лишнее зерно, тут же забирали и куда-то увозили. Когда же осенью 1933-го этот произвол прекратился и зерно стали возвращать, люди сразу же ожили.

Но сложности с питанием все еще оставались. Мы как-то после приезда отца зарезали бычка... На ночь окна обычно закрывали деревянными ставнями, а двери – металлическими штангами. Вдруг в сумерках кто-то стучит в окно. Отец выхватил «наган» и говорит: «А ну-ка, все на печку лезьте!» Что-то стукнуло в ставню, посыпались осколки стекла. Тогда папа пару раз выстрелил в окно для того, чтобы напугать неизвестных. Когда же он вышел во двор, то встретил прибежавшего на шум соседа Костю. Больше там никого не было, но в кустах они нашли фуражку другого соседа, жившего неподалеку. Получалось, что если бы отца не было, то у нас бы все мясо забрали. Еще страшнее приходилось тем, у кого имелась корова. Приходилось приковывать ее за ноги к стенкам сарая и надевать железный ошейник за шею. И все равно не помогало: у моей тети какие-то воры отрезали

корове голову и ноги, а тушу забрали. Таков был страшный 1933 год...

В 1934-м я пошел в школу, месяц проучился в первом классе, после чего учителя перевели меня во второй. Букварь я уже знал наизусть, потому что когда сестренка Люба ходила в школу, то я вместе с ней занимался. Неплохо рисовал. Учились мы на украинском языке, русский преподавали несколько раз в неделю.

Жизнь в предвоенные годы стала несколько лучше. Тракторов тогда еще не было, пахали на лошадях и волах. Автомобили тоже встречались редко, хотя помню, что отца из политотдела на выходные домой привозили на легковой машине. Но все равно: заработал магазин, пошли хорошие урожаи. Появилась в свободной продаже огромная буханка белого хлеба, которую называли «бонда». Кроме того, в магазине свободно продавались мясо, соль, спички и сахар. Жизнь налаживалась.

Рогак Павел Михайлович отец Алексея Павловича, 1941 год

В 1941-м, перед самым началом войны я окончил 7-й класс. В мае того года отца направили на работу в бывшую чешскую колонию Подзамче Волынской области. В Подзамче насчитывалось около сотни домов. Колонистов вывезли куда-то в Чехословакию, а на их место стали приезжать украинцы. Создали совхоз, отца назначили его председателем.

Мы жили на квартире, нам уже готовили дом, но тут началась Великая Отечественная война. Хорошо помню 22 июня.

Рядом со мной жила девочка-соседка Валя. Поутру она предложила мне пойти в книжный магазин, чтобы заранее купить учебники для 8-го класса. Пошли с ней в магазин. Не доходя до моста через речку Стырь, видим, что около стропил лежит убитый майор с двумя прямоугольниками на петлицах. Несмотря на жару, погибший был одет в шинель. В небе летал немецкий самолет и куда-то стрелял. Мы кинулись тикать назад. Прибежали домой, рассказали обо всем родителям. Отец решил отправить нас обратно в Киевскую область. Но только мы выехали за Луцк, как нашу грузовую машину завернули какие-то военные. Пришлось вернуться и поехать в райцентр Колки.

Отец ушел в армию. Мама пошла дояркой на ферму. Детей в семье насчитывалось четверо: я, старшая сестра Люба, брат Коля и сестричка Таня. Жили мы в сарае над речкой.

В июле 1941 года в Колки без боя заехали немцы на бронемашинах, мотоциклах и велосипедах. Наш дядя Федор был секретарем Колкинского райкома комсомола, поэтому он сразу начал скрываться. Полицаи сразу стали его гонять как коммуниста. В полицаи в основном пошла молодежь. Дядя Федор в числе многих других вскоре ушел в лес, где создал партизанский отряд «За Родину!». Я стал его связным. В колкинской школе работала учительницей Ульяна, отчетство ее позабыл. Она передавала мне данные на бумажке для

партизан. Избежать обысков мне помогало то, что я неплохо знал немецкий язык. Наши соседи Махальские были уроженцами «фольксдойч», и их дети говорили дома только по-немецки. А возле соседей и я сам научился. Свободно проходил через патрули, легко разговаривал с немцами, подробно отвечал на их вопросы. Так что они меня считали за своего. Секретную бумажку я относил в лес Черные Лозы, который тянулся вплоть до Бердичева. Заходил туда метров на тридцать, искал место, где стояло гнилое дерево, наклоненное к земле, в дупле которого я оставлял бумажку. Что характерно, за все время я так ни разу и не увидел партизан.

Мама во время оккупации перестала ходить на работу и занималась дома по хозяйству. В 1942 году немцы начали угонять молодежь в Германию. Меня по молодости лет не брали, а вот старших гребли за милую душу. Начались облавы. По ночам выходить на улицу запрещалось. Полицаи вели себя по-разному... Как-то один из них пришел и предупредил, чтобы мы уходили из дому, иначе нас немцы могут забрать из-за дяди-партизана. В результате в 1942 году мы вынуждены были уехать из села и спрятаться в Сытнице. Все знали, что в окрестностях района сидят бандеровцы. Но тогда они еще вели себя спокойно, ничего плохого местному населению не делали. Я же в то время пас стадо телят в 50 голов. Моим напарником был старичок-поляк.

В 1943 году мы слышали о Сидоре Ковпаке и о его боях с немцами. Говорили о нем совсем мало, ведь его отря-

ды воевали вдаль от нас. Новостей с фронта также никто не получал. В тот год случилась резня поляков, так называемая Волынская резня. Они, конечно, тоже хороши – нападали на местное население. К примеру, вырезали украинцев в селе Прибрежное. Ну и бандеровцы не остались в долгу. Поляки быстренько убрались из села, а вскоре их выселили в Польшу.

Освободили нас советские войска в начале 1944 года. И так получилось, что меня отправили в спецшколу войск МГБ, которая располагалась под Киевом в Пуще-Водице. Взяли меня туда по направлению сельского совета, хотя я по возрасту не подходил. Но за знание немецкого языка и за помощь партизанам приняли. До сентября занимался. В первую очередь нас учили ориентироваться на местности. Назначали кого-нибудь старшим в группе из четырех человек. После приказывали выйти на какое-то определенное место. Надо было идти через лес километра за три, и требовалось прийти к назначенному времени. Давали компас на группу. Каждый получал автомат с боезапасом, вещмешок, кусок хлеба, карту в руки. Часы выдавали только старшему группы. В первый раз я просчитался и куда нужно не пришел. Затем выходы стали совершать только в темное время суток – нас поднимали в два-три часа ночи. Днем же начали учить стрелять: сначала из «мелкашки», потом выдали по карабину, а под конец мы неплохо освоили ППШ, ППД и ППС. С последним я ходил в Колках на боевые задания.

Очень удобный автомат, легкий, с откидным прикладом.

После выпуска в октябре 1944 года меня зачислили в состав истребительной группы войск МГБ СССР при Колковском райвоенкомате. В группу входило 18 человек. Среди них несколько крепких ребят, выпускников нашей спецшколы, специально присланных из Запорожья. Кроме того, группу усилили опытными бойцами. Это были бывшие партизаны Колковского района: Иван Федорович Шакур, Владимир Степанович Медлярский. Подключились и местные молодые хлопцы: Алексей Николаевич Мордык, Алексей Степанович Янчик, Николай Олефирчук, Григорий Заяц, Рейкин, Иван Андрущенко. Командовал нами лейтенант Иванов. Задачи ставил военный комиссар Николай Николаевич Торбеев, к сожалению, человек мягкий и слабохарактерный. На вооружении мы имели автоматы ППШ и ППС, два или три пулемета Дегтярева. Лично у меня, кроме автомата, всегда имелись две гранаты и пистолет ТТ. Моим напарником был пулеметчик Кузьма Кириллович Загоровец, который во время оккупации активно партизанил в Колковском районе.

Вообще же население поселка крепко поддерживало советскую власть. В местных «истребках» числилось 32 молодых бойца, в том числе 23 хлопца из села Колки. Остальные были из сел Староселье, Копылье и Розничы. Заместителем по воспитательной работе у нас был член бюро райкома комсомола Ульян Романович Лаврентьев, бывший партизан и мой хороший друг.

Стояли мы прямо в райцентре Колки, после оккупации в нем оставалось больше сотни неповрежденных хат. Несли караульную службу в райвоенкомате. Но в первую очередь поддерживали местные власти и вели работу по привлечению призывников к службе в Красной Армии. У нас в районе в 1944–45 годах существовало двоевластие: днем коммунисты, а ночами – бандеровцы. Вообще, название «бандеровцы» было не в ходу, мы их именовали попросту бандитами и фашистско-власовскими агентами. В основном с нами воевали группы по 20–30 человек. На Колки нападать они не рисковали, потому что здесь стоял гарнизон войск МГБ численностью в 200 штыков.

Мой первый бой с бандитами произошел в поселке Островы, если не ошибаюсь. По линии МГБ агенты из числа местных жителей сообщили, что там засела небольшая группа бандеровцев. Мы окружили село. Потом наша группа на лошадях ворвалась прямо в центр поселка. Началась пальба. Я тут же соскочил с седла, упал на землю и начал отстреливаться. Хаос, повсюду стрельба! Я давал очередь за очередью... Кто его знает, может, кого-то и пристрелил. Вражескую группу ликвидировали полностью. Мне запомнились два крепких рослых бандита.

Потом довелось столкнуться с врагом в Рудниках. Только я подошел к какой-то хате, навстречу выперлась бабка с пустым ведром. Увидев меня, бросила ведро, понаделала крику. Бандиты сразу же из окон открыли по нам сильный огонь

из автоматов. Меня пулей легко зацепило по лбу. Повалился на спину, перевернулся, начал отстреливаться... В общем, кое-как спасся. Бандиты же ушли...

Рогак Алексей Павлович, 1944 год

В Куликовичах, когда шли по балке на окраине села под лесом, напоролись на засаду. Но выскочили из нее удачно, хотя никого и не убили, потому что бандиты быстро отошли. Потерь ни у нас, ни у них не было.

В Малой Оснице мы переходили через речку, когда по нам начали стрелять. И снова все прошло удачно, потерь с нашей стороны не было. Вообще, как таковых боев с бандеровцами не получалось: мы нарывались на засады или же участвовали в окружении обнаруженных бандитов. Происходили короткие стычки: враги давали несколько очередей, бросали пару гранат и сразу же отступали. О потерях бандеровцев судить трудно, потому что тела убитых и тем более раненых они всегда старались забирать с собой.

Самый тяжелый бой у нас произошел в селе Новоселки поздней осенью 1944 года. Вечером мы приехали туда на машине, взятой на МТС, и на своей тачанке со станковым пулеметом. Расположились над речкой в одном из домов. Перед рассветом нас окружила банда, начался бой. Мы отчаянно отстреливались в ответ. В этот раз без потерь не обошлось. Бандиты убили старшего лейтенанта Титова и двух жителей поселка Колки: Дьячинского и ездового тачанки Наглюка. Была сожжена машина МТС. Лейтенант погиб по своей вине: услышав стрельбу, он в панике выскочил из хаты и ринулся от нашей группы к мосту, чтобы скрыться. Там его бандиты и стрельнули. Тело нашли в 300 метрах от хаты. Кое-кого подстрелили и мы, в этом нам здорово помог пулемет. Но опять же, противник забрал тела и отошел.

Первое ранение я получил в январе 1945 года. По мосту переходили речку Стырь, а на другом берегу в засаде сидели бандеровцы. Они дали по нам несколько очередей. Пуля по-

пала мне в правую ногу. Я рухнул в дырку между стропилами и ногой провалился в промоину. Хорошо еще, что Ваня Андрущенко кинул ремень от «дегтярева» и вытянул. Как из холодной воды вытянули, тут же пошла кровь. Полный сапог крови... Притащили к какой-то бабушке на ближайший хутор. Вот уж она меня крепко лечила: самогонкой протирала ногу и рану, а кое-что попадало и внутрь.

В конце марта 45-го в селе Боровичи снова напоролись на засаду. Шли на хутор по окраине леса и попали под обстрел. Погиб Владимир Калуш, и был ранен Олег Янчик – оба колковские хлопцы из «стрибков».

В первые дни апреля 1945 года бандиты напали на работника райвоенкомата в селе Копылье, и в этот момент погибла Галина Федоровна Розина, местный медработник. Она попала на линию огня.

Во время службы в Колковском райвоенкомате (слева направо): Рогак Алексей Павлович, Крамар, а справа стоит Лаврентьев Ульян Романович, 1946 год

В этой истребительной группе я служил до конца июня 1945 года. В июле меня назначили на должность деловода-машиниста Колковского райвоенкомата. Одно название! Хотя меня так красиво записали в трудовой книжке, но, по сути, я все так же ходил с автоматом, а не сидел за пишущей машинкой. Какой там из меня деловод-машинист. Все шло по-прежнему: организовывали призыв, наводили порядок по хуторам и поселкам, караулили бандитов. Бывало, что

обстреливали и нас, но уже гораздо меньше, чем в военные годы. Обстановка неуклонно менялась к лучшему. И все-таки в начале 1948-го на одном из хуторов меня ранило второй раз.

Ночью от агентуры поступил сигнал тревоги. Выехали немедленно. К хате подошли в четыре часа утра, обнаружили часового, по-тихому его скрутили, зашли во двор... Как назло, выходит хозяйка, и снова с ведром! Решила корову подоить. Увидела нас, упала на четвереньки и в такой позе быстро поползла назад. Тут же в нашу сторону летит граната, которая разрывается поблизости от меня. Если бы это была советская Ф-1, то я бы с тобой сейчас не разговаривал: у немецкой же гранаты разлет осколков намного меньше. Завязался бой. Двоих бандитов положили на месте, трое ушли.

После выздоровления меня призвали в армию. Попал в истребительно-противотанковую бригаду, дислоцировавшуюся в Тернопольской области. Служил спокойно. Изредка нас бросали на прочесы горной местности по сообщениям о появлении бандформирований, но никого так ни разу и не нашли.

С октября 1952-го после демобилизации я стал работать заведующим в Колковской Центральной сберкассе № 6513. Повсюду ходил с «маузером» или с ТТ, который прятал за пазухой. Но благодаря людям меня не трогали, потому что я сам относился ко всем по-человечески, защищал и помогал, чем мог. И поэтому меня берегли.

В 1954-м меня избрали председателем колхоза имени Тараса Григорьевича Шевченко в селе Каменуха Волынской области. Работал честно и смог завоевать уважение крестьян. Поднял на ноги рыбное хозяйство, создал мощный огород и сад. Не видел от людей ни воровства, ни обмана. А между тем банды все еще оставались. Года через два нашли подземный схрон аж на территории колхоза, а в нем сидело 12 бандеровцев! Но настрой у них был уже не тот: они сразу же сдались, и дело как-то замяли, чтобы не писать в докладе о возрождении банд. За все время моей работы председателем колхоза бандиты меня ни разу не тронули. Расскажу один случай.

Как-то я уехал на совещание, а по возвращению жена мне с круглыми глазами рассказывает, что пришли молодые сельские хлопцы, сделали из подвала дома тайный лаз в сарай длиной в 150 метров. И говорят, что если не дай бог начнется какая заваруха, пусть «Палыч» спускается в подвал и лезет в подкоп. Получается, уважали меня люди. Отработал 12 лет, стал инструктором райкома партии, затем снова председателем колхоза. И проработал там до 1964 года.

В 50-х годах нападений на представителей власти уже не было. Единственным случаем, свидетелем которого я был лично, произошел во второй половине 1950-х. Сидим как-то с женой на свадьбе – наша девочка выходит замуж за парня из расположенного рядом села. Приходит одна женщина и вызывает председателя соседнего колхоза, которого все

звали Максимович, на какую-то встречу. Он вышел, через минут десять или пятнадцать выстрел – застрелили. Крик, шум... Но он сам виноват. Только что прошел сенокос. А на Украине было негласное правило «десятой копны», т. е. девять первых идет в колхоз, а десятая остается людям. А Максимович приказал все копны сдать колхозу. Даже я его предупредил, что люди сильно обижаются: «Так делать нельзя! Если зимой будет трудно, то можно пройти по хатам, и они тебе отдадут сено! Выручат тебя. Все равно скотина-то общая». Но он настаивал на полной сдаче, вот его и застрелили. А на грудь бросили бумагу о том, что расстреляли за жадность.

В конце 1964-го по состоянию здоровья я переехал в Крым, где был назначен на должность управляющего отделением № 2 совхоза «Воинский» Красноперекопского района. Затем перебрался в совхоз «Авангард» Сакского района, где отработал до 1971 года. Трудился в совхозе «Береговой», в 75-м стал управляющим отделения совхоза «Дальний». В 1978-м переехал в село Суворовское Сакского района, где стал заместителем директора по хозяйственной части, старшим агрономом подсобного хозяйства, и ушел на пенсию аж в 1990 году из птицесовхоза «Суворовский». Двадцать лет был председателем сельского Совета ветеранов, поднял организацию на ноги. Знаешь, в чем мой секрет долголетия и активной жизни? Солдатский ремень, который я надел в 1946 году, до сих пор ношу на тех же застежках.

– Довелось ли сталкиваться со случаями уклонения от призыва в армию?

– Нет, все нормально шли. Правда, бандеровцы время от времени пытались прижать молодежь – уговаривали не ходить в армию. Но народ на Волыни войну против немцев поддерживал, поэтому молодежь шла добровольно.

– В какой обстановке проходили выборы в сельские советы в Колковском районе?

– В нормальной. Мы внимательно и четко «работали» на избирательных участках – смотрели в оба глаза. Вооруженные до зубов группы сидели в засадах на подходах к участкам, поэтому никаких эксцессов не допустили.

– Как были вооружены бандеровцы?

– Встречалось немецкое оружие. Но больше всего было советского, его всегда можно было найти на местах боев.

– Как были одеты участники бандформирований?

– Сборная солянка в виде полувоенной формы: и нашей, и немецкой.

– Как прореагировали на амнистию 1946 года?

– Народу вышло из леса мало. А все потому, что сотрудники МГБ повели себя по отношению к людям очень нечестно.

но: их сразу же заставляли подписывать бумаги о сотрудничестве и куда-то высылали. Поэтому эмгэбэшников в народе не любили: уж очень часто среди них встречались подлецы.

– Местное население бандеровцев сильно поддерживало?

– Местами да. Но не скажу, что поддержка была всеобщей. Не везде одинаково к ним относились. К примеру, в райцентре Колки власть чувствовала себя весьма уверенно, и молодежь там большей частью пошла не в бандгруппы, а в истребительный батальон. Вот так-то! Часть сел в районе сочувствовала бандеровцам, а часть поддерживала Советы.

Лаврентьев Ульян Романович

Интервью и литобработка: Юрий Трифонов

Я родился 20 июля 1921 года в селе Копылье Колковского района Волынской области. Мой отец, Роман Власович, всю свою жизнь трудился в сельском хозяйстве. Во время Первой мировой войны он служил в царской армии, воевал против австрийцев и немцев. Стал кавалером Георгиевского креста. К нашему несчастью, папа рано умер. Мне тогда было три года, а младшему брату Гавриле в день смерти отца исполнилось всего три недели. Наша мама Ефима Кондратьевна стала вдовой с девятью детьми. Я хорошо помню старшего брата Бориса, 1905 года рождения, который служил в польской армии, а также Ивана, 1911 года рождения, Омельяна, Леонида и Гаврилу.

Так как мама день и ночь работала, чтобы хоть как-то прокормить семью, заботилась о нас в основном бабушка. Под ее руководством мы искали лебеду и коренья, которыми спасались от голода. Жили страшно тяжело. Было время, когда мы просто пухли от голода. Выглядели жутко: животы – пухлятые, а лица – синие.

Лаврентьев Ульян Романович, 1944 год

В 1930 году мне исполнилось 9 лет, а в селе даже не было школы! В царское время действовала церковно-приходская, но во время Первой мировой войны церковь и здание школы сгорели дотла. Поляки же долго не открывали новое учебное заведение, потому что село считалось коммунистическим. И

правильно считали, ведь уже в 1928 году у нас организовали ячейку КПЗУ (Коммунистическая партия Западной Украины). Руководил ею Трифон Елизарович Будецкий.

Будецкий в скором времени объявил о создании районной подпольной организации КПЗУ. В селе к коммунистам отнеслись весьма сочувственно. Мой брат Иван в 1934 году стал членом КПЗУ, возглавив сельскую партячейку. А потом и меня туда привел – в 37-м я стал комсомольцем. У нас в хате, которая в Копылье стояла крайней у речки Стырь, часто собирались коммунисты. Мы читали листовки, газеты, книги... Мне доверили флаг компартии, который я прятал в металлических ящиках от пулемета под плетнем, в кустах черной смородины. Когда было нужно, я доставал его на партсобрания.

Сельская ячейка КПЗУ постепенно разрослась до 20 человек. Надо сказать, что польские власти всячески преследовали коммунистов. В нашу ячейку внедрили провокатора... В мае 1938 года пошли аресты. Забрали Будецкого. Мой брат Иван получил пять лет и был отправлен в тюрьму для политзаключенных в Брестской крепости.

В 30-х годах в Копылье наконец появилась начальная частная школа, всего в четыре класса. Ее организовали, как смогли, жители села. Сначала нас обучал нанятый учитель, еврей Колодзинский. Но через пару лет, когда до поляков дошло, что учебный процесс надо контролировать, они прислали государственного педагога. В пятый класс я ходил в Кол-

ках. Учителя-поляки к нам относились не самым лучшим образом, больше внимания уделяя польскому, а не украинскому языку.

Поляки всячески ущемляли украинцев. Допустим, если ты хотел работать где-то на государственной службе, то требовалось перейти в католичество. Иначе увольняли с работы.

1 сентября 1939 года по телефону сообщили о том, что началась война с Германией. Из нашей семьи на тот момент уже отслужили в польской армии Борис и Омелян. Была объявлена мобилизация. Но толком никого призвать не успели – уж очень быстро поляки потерпели поражение. Красная Армия перешла советско-польскую границу и начала освобождать Западную Украину. Наши подпольщики по своим каналам узнали об этом, провели собрание и решили соорудить праздничные ворота в Колках для торжественной встречи освободителей. Будецкий, только что освободившийся из польской тюрьмы, возглавил группу встречающих из числа партактива. Люди в приподнятом настроении ждали прибытия передовых частей Красной Армии. Появилась колонна...

Но это оказались отступающие польские части. Разъяренные поляки арестовали Будецкого и еще нескольких активистов. Всю ночь их избивали в подвале колковской школы. Утром семерых истерзанных подпольщиков во главе с Будецким расстреляли на кладбище в Колках. Собралась моло-

дежь, привезли наспех сколоченные гробы. Я стоял в почетной страже. Весь поселок в молчании провожал погибших в последний путь.

В тот же день мы, копыльские, сбежали из колковской школы. Пока ночевали на каком-то хуторе, поляки оказались уже под Розничами. Утром мы пошли по дороге на Копылье и наткнулись на отдыхающие польские части. На траве стоял станковый пулемет и десяток винтовок, собранных в пирамиду. Решили не рисковать, зашли в стоявший у дороги хутор. На его окраине жила тетка товарища. Мы рассказали ей, что по дороге видели польских солдат. Только она поставила нам на стол покушать, как под окнами страшно закричали люди. Началась паника, все куда-то побежали. Мы, так ничего и не поев, ринулись на улицу, добежали до какой-то мелкой речки. На берегу ее росли какие-то невысокие кусты. Мы только успели ползком забраться в них, как появилась польская кавалерия и на рысях перебралась на наш берег. На лугу пасся скот. Поляки начали рубить его саблями. Прямо перед нами упала туша лошади. Так, петляя и прячась от польской кавалерии, мы пришли к Годомичам. Здесь мы увидели покидающих село поляков, за которыми шла Красная Армия. Ее встречали местные капэзушники во главе с моим братом Иваном. Местные девушки встречали освободителей цветами.

Основная часть войск Красной Армии остановилась на въезде в Годомичи, а два танка прошли вперед. Они долж-

ны были встретиться с поляками для ведения переговоров. И вот тут произошла провокация...

Танки остановились, открылся люк. Один из танковых командиров двинулся в направлении поляков. Как только он подошел к ним, с кладбища раздались винтовочные выстрелы. Танкист рухнул как подкошенный – он был убит наповал. Поляки ударили по кладбищу. Танки начали отходить, огрызаясь огнем по полякам. Разгорелся полномасштабный бой. Празднично одетые люди, готовившиеся встречать Красную Армию, заметались в панике. Бой шел до двух часов ночи. Только после двух артиллерия советов перестала бить по полякам, так как закончились снаряды. Дезорганизованные остатки трех польских дивизий отступили в окрестные леса. С собой они забрали сорок местных молодых мужчин, взятых в Копылье как заложников. В их числе был и мой брат Борис.

К счастью, поляки заложников бросили. На них наткнулись Советы. Не слушая ничего и никого, раздосадованные потерями и сопротивлением поляков, поставили всех в шеренгу перед пулеметом... Хорошо, мимо ехал какой-то генерал, стал спрашивать, что за люди. Брату и остальным повезло – генерал попался дотошный, во всем разобрался и потребовал выпустить заложников. Отпустили бедолаг, да еще выписали им групповой пропуск, чтоб они, не дай бог, опять к кому-нибудь под горячую руку не попали.

Выяснилось, что причиной всех бед стали местные наци-

оналисты. Это они устроили засаду на кладбище. В том бою погибло много красноармейцев. Их потом свозили на кладбища в села Сокол и Грузятин. Всего захоронили 186 убитых. Националистов, которых постреляли польские солдаты, похоронили в трех могилах. Убитых поляков насчитали более 370 человек.

22 сентября 1939 года в Колках было создано временное поветовое сельское управление, которое возглавил коммунист Мизюк. Он вышел из тюрьмы вместе с моим братом после начала войны Польши с Германией. Они рассказывали, что в тюрьме их две недели не кормили. Потом охрана бросила на стол перед камерами ключи и сбежала. Заключенные сами открыли камеры и выбрались из Брестской крепости. В общем итоге из тюрьмы вернулись: Мизюк, мой брат Иван, четыре жителя села Колки и какой-то белорус.

Местные жители встретили Красную Армию с радостью. Мой брат Иван с 1940 года стал председателем сельсовета в Копылье. Занимал он эту должность вплоть до начала войны с Германией. При коллективизации настроения разделились: 37 хозяйств из числа самых бедных сразу же вступили в колхоз, остальные не шли. Всего же в селе Копылье проживало около 250 дворов.

Брат Борис вернулся из польской армии со специально-стью портного, купил швейную машинку и начал нас учить ремеслу. Я стал трудиться в швейной мастерской. Портняжным делом занимались Иван, я и Борис, а остальные братья

вели хозяйство. При польской власти мы были зарегистрированы и платили деньги за патент. В мастерской работало пятеро человек: мы трое и еще двое учеников. С приходом советской власти стало проще, потому что стали регулярно платить зарплату за работу, а мастерской помогли материалом.

В то время националистов в районе было очень мало. До 1940 года о них никто ничего не слышал. Бандеровские идеи стали заразой расползаться по Колковскому району через группу музыкантов из духового оркестра. Они ездили играть по селам и подпольно начали распространять идеи национализма.

В 1941 году меня назначили заведующим сельским клубом. 21 июня 1941-го душа как будто что-то чувствовала. Организовали вечер, до трех часов ночи продолжались песни и танцы. Только пришли домой и легли спать, как в четыре часа немец начал бомбить аэродром. Но я так устал, что спал и ничего не слышал. Мать вскочила, забежала по хате, кричит: «Хлопцы, вставайте, война идет!» Начала всех тормошить. Вышли мы во двор помыться, и тут над нами пронеслись три самолета с черными крестами, низенько так. Они шли на аэродром. Разбомбили его подчистую. На наших глазах сгорело несколько десятков самолетов. Во второй раз прилетели уже бомбить склады. Все стало гореть, пошел густой черный дым. Повсюду огонь, взрывы. Страшно. И тут мелькнул небольшой луч надежды: когда немецкие самолеты

ты пошли назад, на них напали наши истребители. Но они, к сожалению, так никого подбить и не смогли.

Днем пошли неутешительные вести с фронта. Советские войска отступали. Иван не стал дожидаться оккупации и эвакуировался в Киев, где добровольно ушел в Красную Армию. Учитывая хорошее знание польского языка, его отправили в диверсионно-десантную школу.

8 июля 1941 года немцы появились в Копылье. Я тогда крепко курил. Директор школы и матушка, попова жена, где-то доставали хороший табак, делились со мной. В тот день, когда пришли немцы, они сказали мне, что на хуторе у одного мужика есть папиросы. Я сел на велосипед и поехал к нему. На что-то выменял папиросы, отправился назад. Приехал домой, поставил велосипед, зашел в хату. Мама пригласила за стол. Взялся за ложку и вижу через окно, как мимо хаты топают немцы. Сидим, ждем незваных гостей... Но они не заходят. Из братьев никто не хочет выходить во двор. В итоге послали меня. Пошел, открыл дверь, и до меня вдруг доходит, что в кармане штанов лежат документы и комсомольский билет! Вот тут меня проняло. Но немцы спокойно проходят мимо. Один из них оборачивается и на довольно-таки чистом польском языке спрашивает: «Ты хозяин?» Отвечаю, что нет, а хозяйка сидит в хате. Выходит Борис, немец тем временем вытаскивает какую-то книжку, читает в ней что-то, затем спрашивает: «Можно ли купить кабана? Идущие следом тыловики заплатят». И выписывает квитан-

цию на 900 рублей. Мама вышла во двор, заплакала. Кричит, что она ничего не продаст. Но немец вручил нам свою квитанцию и сказал, что деньги мы сможем получить в районе. После спокойно застрелил нашего кабана. Я же, пока он возился, незаметно передал Борису свои документы, и он их спрятал где-то за хатой.

Вечером приехало множество немецких машин. Перед ними двигались велосипедисты. Из-за жары солдаты в одних в майках. Затем промчались мотоциклисты, и уже за ними пошла различная военная техника. Две недели беспрерывно по дороге двигалась немецкая армия. Мощно, сильно, страшно. Шли прямо через наше село по деревянному мосту в направлении на Маневичи. Там все еще шли бои.

Следом за войсками в селе появились тыловики, а с ними и местные националисты. Они ходили в гражданской одежде, но с повязками на руках. Появились совместные с немцами патрули. Потом собрали сход, начали решать, кто станет «солтысом», то есть старостой. Выбрали бывшего члена КПЗУ Яроша Лазаревича Демчука! Националисты тут же дали ему список, в котором были записаны все комсомольцы. Он посмотрел и говорит немцам: «Да это пацаны, что их трогать! Вам больше проблем доставят эти мужики!» И смело указал на националистов, стоявших с оружием в руках. Немец похлопал солтыса по плечу и заметил: «Гут! Гут!» Так что нас не взяли. А чтоб националисты не тронули, он послал свою дочку обойти хаты и предупредить комсомольцев

— и мы попрятались. Получается, спас нас.

Националисты побыли полицаями месяц или два, потом человек десять из них уехали в Колки, а у остальных немцы отобрали оружие. Вскоре бандеровцы полностью заняли все посты в оккупационной администрации.

Мою семью, естественно, начали преследовать. Всех братьев посадили под домашний арест. Часовые стояли у дома две недели. Националисты нас презирали. Сначала просто плевали нам в спину. Потом начали вызывать в комендатуру, где всех братьев избивали. Некоторые из националистов били с особенным удовольствием. Бандеровцы полностью перешли на сторону врага: ловили сбежавших из лагерей советских военнопленных, сдавали в Гестапо членов КПЗУ. Многих сами забивали до смерти. Начались массовые расстрелы коммунистов. После взялись за евреев. Доставалось и полякам. Сельская полиция заставила всех людей подписать благодарность Гитлеру за освобождение от Советов. Тогда впервые прозвучал призыв: «Ты, козаче, беры ниж: жида, ляха, москаля, коммуниста, комсомол бий, грабуй, риж!» На этом фоне среди людей рождалась ненависть.

Мы начали платить немцам налоги: сдавали скотину, картошку, буряк, зерно. Атмосфера становилась все хуже и хуже. Люди ходили испуганными, не знали, когда за ними могут прийти. Но были и такие, кто в открытую радовался приходу немцев. Все шло как обычно: кто-то плакал, а кто-то танцевал.

Так продолжалось до нового, 1942 года. После этого немцы «поздравили» всех с праздником: поступил приказ сдать всю лишнюю скотину. Разрешалось оставить на двор по одной корове и по одной лошади в качестве тягловой силы. Остальное погрузили в вагоны и отправили в Германию. Опять же, скот собирали полицаи, прекрасно знавшие, у кого что есть. Не спрячешь. В феврале 1942 года были составлены списки молодежи на отправку в Германию. Солтыс помочь не мог, за девушками и хлопцами приходили работники немецкой районной администрации. Особенно много попало в эти списки бывших коммунистов и комсомольцев. Моего брата Леонида также забрали. Домой он так и не вернулся. Население все эти события восприняло очень негативно.

15 марта 1942 года Иван Яковлевич Шишко (1911 года рождения, родом из села Градье) и мой старший брат Иван (возвратившийся из Польши после выполнения специального задания в районе города Хелм) приняли решение организовать местный партизанский отряд с названием «За Родину!». Иван Яковлевич стал командиром, а мой брат – его заместителем. С Шишко они познакомились и сдружились еще во время тюремного заключения в Брестской крепости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.